

Жан-Клод Бриали.

ИЗ ЖИЗНИ "ЗВЕЗД"

Он был в числе зачинателей французской "новой волны". Дружил с Годаром и Трюффо. Потом, став популярным актером, был партнером Жана Габена, снимался у Бунюэля. Это актер разноплановый, но все же в кинематографе проявил себя как юмористический. А в театре его интересы иные — комедия, оперетта... О своем пути в искусство, о своей сегодняшней жизни Жан-Клод Бриали рассказал корреспонденту "Пари-матч". Предлагаем читателю его интервью с незначительными сокращениями.

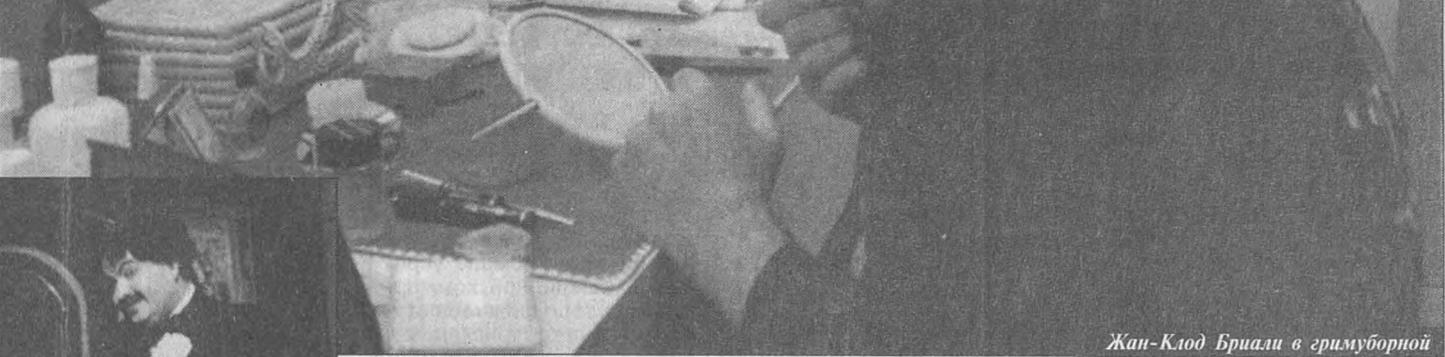
— В вашей семье до вас были артисты?

— Нет, и мой отец, офицер, был против этой идеи. Родители жили в Омале — маленькой, затерянной в горах алжирской деревушке. Здесь я и родился в 1933 году. Когда мне было пять лет, я принимал участие в празднике в алжирской школе и должен был в своем обычном детском костюмчике вылезать из картонной жемчужины. Тогда-то я впервые почувствовал трепет успеха и узнал, что такое аплодисменты. Я так не хотел уходить, что меня пришлось силой отрывать от сцены... Десятилетнего отца отправили в школу для офицеров-

Жан-Клод Бриали в компании друзей (крайний справа — Клод Шаброль)

Солдат, артист, директор театра

Жан-Клод Бриали в гримборной

Сцены из спектакля "Клетка для безумных": директор театра, влюбленный сразу в двух женщин

ких детей. Там была строгая дисциплина, но я полюбил чувство свободы, независимости от родителей. Там понял, что об руку с любовью идет другое чувство: дружба. А когда мне исполнилось 11, преподаватель французского устроил мне настоящий театральный дебют: поручил мне роль служанки в пьесе Любиша, которую мы играли в ознаменование конца учебного года. Я был любимчиком всего класса. Я был так великолепен, что меня прозвали "Графиней".

— Кем вы себя чувствовали в жизни?

— Я думаю, что я был живым, радостным, беззаботным, сумасшедшим и, что особенно важно, весьма любезным молодым человеком. Я источал солнечный свет повсюду, где бывал. Меня притягивали девушки, но волновали и мальчики. Даже в 15 лет я не мог бы сделать между ними свой сексуальный выбор. Но я был спасен от самого себя... В то время мы жили в Баден-Бадене, и очаровательная и красивая женщина лишила меня невинно-

сти. После этого случая я успокоился, поняв, что ничем не отличаюсь от других. Когда я сдал экзамен на степень бакалавра, отец предложил мне выбирать — изучать право или служить в армии. Я завербовался и служил в батальоне, где мое обаяние тоже не осталось незамеченным: я делал там "Театр свободного

Льомом. Однажды мы пошли смотреть постановку "Юлия Цезаря" Шекспира, осуществленную Жаном Ренуаром. Это было в 1955 году. Мы договорились встретиться в полночь в Париже, в помещении крытого рынка. Я увидел подъезжающую к рынку огромную американскую автомашину, выдающую виды и совершенно черную внутри, среди больших подушек медно-красного цвета восседали Жак Риветт, Ален Кавалье с женой, Клод Шаброль и Жан-Люк Годар. Поскольку я был моложе всех, а в машине было и так битком, то меня посадили на пол между коленей Риветта: он потом говорил, что я слишком придавил его маленького птенчика... Жан Ренуар ждал нас. Он был живой, толстый, болтливый. С ним были его ассистент Пьер Каст с же-

— Вы были провинциальным солдатом. Наверное, не так просто было проникнуть в самое сердце столичной богемы?

— Закончив военную службу, я разругался с родителями и переехал в Париж. Подрабатывал где придется, а остаток времени проводил в редакции журнала "Кайе дю синема". Там я встретил Ромера, Трюффо, Шаброля,

с Годаром, Трюффо и другими мы выскочили на сцену, выкрикивая: "Смерть Марку Антонию!" Потом, в ресторане, я почувствовал, что мне совершенно необходимо очаровать всех этих потрясающих парней: я рассказывал о своей жизни, я пел, я танцевал, изображал из себя дамочку, господина, юношу, старика. Уф, я сделал все, что мог! И вот так они меня усыновили.

— Как, по-вашему, с чего началась ваша настоящая карьера?

— Это был январь 1956-го! Шаброль готовился к съемкам "Красавчика Сержа". Он сказал, что для меня роль есть, а вот вторым актером у него трудности. Я только что посмотрел "Время убийц" Дювивье, и на меня большое впечатление произвел Жерар Блен. Я представил его Шабролю, и тот его взял. Именно тогда я почувствовал, что в моей жизни что-то произошло, я стал солиднее. А потом, в 1959-м, после фильма "Кузены", я превратился в "звезду".

— Вы уже десять лет возглавляете театр "Буфф-Паризьен"...

— Да, но я еще добавлю — и моему ресторану "Оранжери" уже стукнуло тридцать. Во мне нет функционерского духа, но я умею брать на себя ответственность и серьезно вести дело. Когда это необходимо, могу "брать глоткой", проявить авторитарность. Что касается театра, то ведь его стены мне не принадлежат, это собственность наследников Оффенбаха. Я-то плачу за все из своего кармана, в том числе за аренду.

— Директор частного театра, каковым являетесь вы, ревниво относитесь к дотациям, которые получают общественные театры?

— По-моему, общественные театры — совершенно необходимая вещь. Единственное, о чем мне хотелось бы сказать, — это о злоупотреблениях. Это неправильно, что принято строить декорации стоимостью 6–7 миллионов франков для спектаклей, которые играют не больше двадцати раз.

Фото из журнала "Пари-матч" (Франция)

Кадр из фильма "Красавчик Серж"

времени".

— Но начали вы все же в кино...

— Я был призван в армейский киноотдел. Здесь встретился с Филиппом де Брока и Пьером

Фодара, Базена, Валькроза — "оптических обжор", просматривающих по три-четыре фильма в день. Шаброль, который был женат и имел двоих детей, прочитывал множество полицей-

ских романов и без перерыва выдавал все новые идеи сценариев. Трюффо вечно был влюблен и по преимуществу в совершенно невозможных девушек. Он целыми днями сочинял им любовные письма. Он меня волновал больше остальных. Я немедленно влюбился в него — в поэтическом смысле, разумеется. Годар же предпочитал проституток — у него терпения было меньше.

— Как, по-вашему, с чего началась ваша настоящая карьера?

— Это был январь 1956-го! Шаброль готовился к съемкам "Красавчика Сержа". Он сказал, что для меня роль есть, а вот вторым актером у него трудности. Я только что посмотрел "Время убийц" Дювивье, и на меня большое впечатление произвел Жерар Блен. Я представил его Шабролю, и тот его взял. Именно тогда я почувствовал, что в моей жизни что-то произошло, я стал солиднее. А потом, в 1959-м, после фильма "Кузены", я превратился в "звезду".

— Вы уже десять лет возглавляете театр "Буфф-Паризьен"...

— Да, но я еще добавлю — и моему ресторану "Оранжери" уже стукнуло тридцать. Во мне нет функционерского духа, но я умею брать на себя ответственность и серьезно вести дело. Когда это необходимо, могу "брать глоткой", проявить авторитарность. Что касается театра, то ведь его стены мне не принадлежат, это собственность наследников Оффенбаха. Я-то плачу за все из своего кармана, в том числе за аренду.

— Директор частного театра, каковым являетесь вы, ревниво относитесь к дотациям, которые получают общественные театры?

— По-моему, общественные театры — совершенно необходимая вещь. Единственное, о чем мне хотелось бы сказать, — это о злоупотреблениях. Это неправильно, что принято строить декорации стоимостью 6–7 миллионов франков для спектаклей, которые играют не больше двадцати раз.

Подготовил Дмитрий САВОСИН